

Виссарион Григорьевич Белинский

**Сочинения князя В. Ф.
Одоевского**

Виссарион Белинский

Сочинения князя В. Ф. Одоевского

«Public Domain»

1844

Белинский В. Г.

Сочинения князя В. Ф. Одоевского / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1844

Статья о творчестве В. Ф. Одоевского в связи с выходом его «Сочинений» в трех частях, занимает важное положение среди произведений Белинского середины 1840-х гг. Белинский относился к деятельности Одоевского с неизменным вниманием, высоко оценивал его произведения, публиковавшиеся в разных изданиях 1820–1830 гг., ставил его имя в первый ряд писателей-прозаиков этих лет, наряду с именами Пушкина, Гоголя, Марлинского и др. Статья 1844 г. явилась выполнением раннего обещания критика дать общую, целостную характеристику творчеству Одоевского.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения князя В. Ф. Одоевского

Три части. Санкт-Петербург. 1844.

Князь Одоевский принадлежит к числу наиболее уважаемых из современных русских писателей, – и между тем ничего не может быть неопределеннее известности, которою он пользуется. Скажем более: имя его гораздо известнее, нежели его сочинения. Это несколько странное явление имеет две причины: одну чисто внешнюю, случайную, другую – внутреннюю и необходимую. Князь Одоевский выступил на литературное поприще в 1824 году^[1], в эпоху совершенного переворота в русской литературе, когда новые понятия вооружились против старых, новые славы и знаменитости начали противопоставляться авторитетам, которые до того времени считались непогрешительными образцами и далее которых идти, в мысли или в форме, строжайше запрещалось литературным кодексом, получившим имя *классического* и по давности времени пользовавшегося значением корана. Эта борьба старого и нового известна под именем борьбы романтизма с классицизмом. Если сказать по правде, тут не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственного движения с умственным застоєм; но борьба, какая бы она ни была, редко носит имя того дела, за которое она возникла, и это имя, равно – как и значение этого дела, почти всегда узнаются уже тогда, как борьба кончится. Все думали, что спор был за то, которые писатели должны быть образцами – древние ли греческие и латинские и их рабские подражатели – французские классики XVII и XVIII столетий, или новые – Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Шиллер и Гете; а между тем в сущности-то спорили о том, имеет ли право на титул поэта, и еще притом великого, такой поэт, как Пушкин, который не употребляет «пиитических вольностей», – вместо шершавого, тяжелого, скрипучего и прозаического стиха употребляет стих гладкий, легкий, гармонический, – вместо *од* пишет *элегии*, вместо надутого и натянутого слога держится слога естественного и благородно простого, – поэмами называет маленькие повести, где действуют *люди*, вместо того чтоб разуместь под ними холодные описания на один и тот же ходульный тон знаменитых событий, где действуют герои с их наперсниками и вестниками; – словом, поэт, который тайны души и сердца человека дерзнул предпочесть плосечным иллюминациям. Вследствие движения, данного преимущественно явлением Пушкина, молодые люди, выходившие тогда на литературное поприще, усердно гонялись за новизною, считая ее за романтизм. Стихи их были гладки и легки, фраза блистала новыми оборотами, мысли и чувства отличались какою-то свежестью, потому что не были повторением и перебивкою уже всем знакомых и перезнакомых мыслей и чувств. В прозе видно было то же самое стремление – найти новые источники мыслей и новые формы для них. Разумеется, источником всего этого «нового» служили для них иностранные литературы; но для большинства нашей читающей публики того времени все это действительно было слишком ново, а потому и казалось ярко оригинальным и смело самобытным. И вот почему в те блаженные времена слава доставалась так легко, так дешево, а известность была просто нипочем. Разумеется, подобная новизна не могла не состариться скоро, и вследствие этого многие меди, о которых думали, что они подавали блестящие надежды, сказались совершенно безнадежными; другие, которые пользовались большою известностию, вдруг пришли в забвение. Но как движение, произведенное так называемым «романтизмом», развязало руки и ноги нашей литературе, то оно все продолжалось и продолжалось: новое сегодня становилось завтра если еще не старым, то уже и не новым; на место одной забытой знаменито-

[1] Некоторая неточность. Первое печатное произведение Одоевского «Отрывок из Лабрюйера» в альманахе «Каллиопа», М., 1820, ч. IV; с 1821 г. Одоевский сотрудничал в журнале «Вестник Европы». Однако литературная известность его начинается действительно с участия в альманахе «Мнемозина» (1824).

сти являлось несколько новых; в литературу беспрестанно входили новые элементы, содержание ее расширялось, формы разнообразились, характер становился самобытнее. И теперь уже немногие помнят эти споры и эту борьбу; писателей делят по эпохам, в которые они действовали, и по таланту, который они выказали; но уже нет более ни классиков, ни романтиков; ни содержание, ни форма уже не приводят в изумление своею оригинальностью, но чем они оригинальнее, тем большее возбуждают внимание. Лучшие стихотворения г-на Майкова, одного из особенно замечательных поэтов нашего времени, принадлежат к антологическому роду, — и потому он гораздо больше, нежели все наши поэты старой школы, имеет право называться *классическим* поэтом; и однако ж его так же никто не называет классиком, как и романтиком. В поэзии Пушкина есть элементы и романтические, и классические, и элементы восточной поэзии, и в то же время в ней так много принадлежащего собственно нашей эпохе, вашему времени: как же теперь называть его романтиком? Он просто поэт, и притом поэт великий! Теперь каждый талант, и великий и малый, хочет быть не классиком, не романтиком, а поэтом, следовательно, хочет ровно брать дань со всего человеческого, — и благо ему, если он, не чуждаясь ни древнего, ни старого, ни нового, во всем этом умеет быть *современным*!.. Эту многосторонность, эту свободу наша литература приобрела все-таки через борьбу мнимого романтизма с мнимым классицизмом!

Между множеством эфемерных явлений, вызванных тогда новизною и обязанных ей своею минутною известностью, были яркие таланты, которые считали за необходимость не останавливаться на первом успехе, но идти за временем. Конечно, не все из них шли до конца, но иные остановились на полу дороге, и едва ли хотя один дошел до конца пути своего, то есть сделал все, что могли от него ожидать и что в силах был бы он выполнить... Вообще, доходить до конца как-то не в судьбе русских писателей, особенно с некоторого времени. И если Державин, Дмитриев и Крылов дожили до седины, обремененных лаврами, зато сколько путей, различным образом прерванных! Ломоносов умер пятидесяти лет^[2], с полным сознанием, что он мог бы еще много сделать и что он гораздо меньше сделал, нежели сколько надеялся. Великий человек себя винил и в своей преждевременной смерти и в том, что он, по его сознанию, сделал так мало; но его жизнь и деятельность зависели не от него, а от той действительности, в которой так одиноко был он вызван судьбою действовать. Фонвизин написал свое последнее и лучшее произведение на тридцать седьмом году от рождения и после того провел целые десять лет разбитый параличом и в состоянии совершенной недеятельности^[3]. Карамзин сошел в могилу хотя уже и в летах, но еще в поре сил своих и далеко не кончив своего великого труда^[4]. Озеров написал всего пять трагедий и умер на сорок шестом году вследствие долговременной болезни, с которою было сопряжено расстройство умственных сил. Батюшков погиб для литературы и общества во цвете лет и сил своих^[5], подав такие блестящие, такие богатые надежды... Нужно ли говорить о том, как прервалась поэтическая деятельность трех великих слав нашей литературы — Грибоедова, Пушкина и Лермонтова?.. А сколько менее огромных и столь же безвременных потерь! Веневитинов умер почти при самом начале своего столь много обещавшего литературного поприща. Полежаев пал жертвою избытка собственных сил, дурно уравновешенных природою и еще хуже направленных воспитанием и жизнью...^[6] Все эти утраты как-

[2] Небольшая неточность: Ломоносов умер пятидесяти трех лет (1711–1765).

[3] Не вполне точно. Ряд произведений был написан Фонвизиним уже после 1785 г., когда он был поражен параличом.

[4] Имеется в виду многотомная «История государства Российского»; последний (12-й том) излагал события Смутного времени.

[5] Батюшков заболел острым психическим расстройством в 1822 г., в возрасте 25 лет, и более тридцати лет, до своей смерти в 1855 г., уже не выступал как поэт.

[6] Явно рассчитанное на цензуру «пояснение»; Полежаев рано погиб в результате жесточайших преследований со стороны правительства Николая I.

то невольно приходят в голову теперь, по случаю внезапной вести о смерти Баратынского^[7] – поэта с таким замечательным талантом, одного из товарищей и сподвижников Пушкина. И сколько в последнее десятилетие было подобных утрат!.. только и слышишь, что о падении прежних бойцов, сраженных то смертию, то – что еще хуже – жизнью... Ужасно умереть прежде времени, но еще ужаснее пережить свою деятельность и только изредка новыми, но уже слабыми произведениями напоминать о прекрасной поре своей прежней деятельности. Эта нравственная смерть производит в нашей литературе еще больше опустошений чем физическая. Причина ее столь же понятна, сколько и горестна, и лучше скорбеть о ней, нежели высокоумно рассуждать о том, каким бы образом мог ее избежать тот или другой автор, или гордо осуждать его за то, что он не мог ее избежать. Увы! выходя на поприще жизни, мы все смело и гордо смотрим в ее неизведанную даль, и для нас падение есть преступление; но, перешедши сами лучшую часть своей жизни, мы, при виде всякого павшего бойца, с грустью обращаемся на самих себя... Кто пал, почему не сказать о нем, что уж нет его? Но дело критики говорить не о том только, что мог бы сделать автор и чего он не сделал, но и о том, что сделал он и чем благодатна была для общества жизнь его...

Итак, князь Одоевский вышел на литературное поприще в 1824 году. Он был из числа тех счастливо одаренных натур, которые начинают действовать сознательно, в духе своего истинного призвания и в круге своих собственных сил. Мы помним первую повесть его «Элладий, картину из светской жизни», напечатанную в одном из тогдашних журналов-альманахов («Мнемозине»)^[8]. Эта повесть теперь всякому показалась бы слабою, детскою и по содержанию и по форме; но тогда она обратила на себя общее внимание и приятно всех удивила. Повесть действительно слаба; но успех ее был тем не менее вполне заслуженный. Это была первая повесть из русской действительности, первая попытка изобразить общество не идеальное и нигде не существующее, но такое, каким автор видел его в действительности. Со стороны искусства и вообще манеры рассказывать она была произведением оригинальным и дотоле невиданным; было что-то свежее в ее мысли, во взгляде автора на предметы и в чувствах, которые старался он ею возбудить в обществе. К тому же времени, в которое был напечатан «Элладий» князя Одоевского, относятся его «апологи» – род поэтических аллегорий, в которых ясно и определительно выказалось направление таланта их автора. Так как теперь уже немногие помнят их, а многие и совсем не знают, и так как, несмотря на это, мы приписываем им значительную литературно-историческую важность и видим прямое указание на призвание князя Одоевского как писателя, то и считаем за нужное познакомить с ними наших читателей. Для этого приводил! здесь два аполога:^[9]

[7] Баратынский скоропостижно скончался в Неаполе 11 июля 1844 г.

[8] В ч. II «Мнемозины» за 1824 г.

[9] Оба воспроизводимых далее аполога первоначально опубликованы в альманахе «Мнемозина» (1824).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания